

Резиденция великого наставника находилась совсем недалеко, за внешней стеной королевского дворца, и путь на карете занимал меньше четверти часа.

Вэнь Юаньсинь с любопытством разглядывал раскинувшуюся перед ним усадьбу: хотя она и уступала размерами Залу Поверженного Дракона, где он жил прежде, простора здесь тоже хватало.

У ворот собралось несколько человек: хозяин дома Цан Чэн, наследный принц Лун Сюань, а также с десятков служанок и дворовых слуг.

— Чего это вы тут стоите, на ветру простужаетесь? — едва выбравшись из кареты, Вэнь Юаньсинь тут же накинул верхнюю одежду на уже успевшего озябнуть Лун Сюаня и принялся растирать его маленькие ладошки.

— Ждем братика Юаня! — на детском личике расцвела очаровательная улыбка, казалось, мальчик совсем не замечал зимней стужи.

От этой улыбки стоявшего рядом Цан Чэна едва заметно бросило в краску, но он тут же взял себя в руки, и никто ничего не заметил.

— Его Высочество наследный принц настоял на том, чтобы встретить вас лично. А дабы обеспечить безопасность принца, ваш покорный слуга сопровождал его на случай непредвиденных обстоятельств.

— Вот как? Благодарю за службу, Цан Чэн. — Лун Сюань тоже снял свое верхнее одеяние и набросил на плечи Вэнь Юаньсиню. Тот явно не горел желанием принимать знаки внимания, но устраивать сцену прямо сейчас не стал, позволив Лун Сюаню безнаказанно распускать руки.

— Что вы, это мой долг. — Цан Чэн почтительно поклонился и добавил: — Прошу за мной.

— Угу. — Вэнь Юаньсинь смахнул с себя наглую руку, взял Лун Сюаня за ручку и зашагал следом за Цан Чэном, начисто проигнорировав плетущегося позади Лун Сюаня. Хм! Кто просил его доводить до белого каления?!

Лун Сюань не знал, то ли злиться, то ли смеяться. Прояви кто-нибудь другой к нему подобную дерзость, он бы уже давно приказал казнить наглеца. Разве посмел бы кто-то вилить перед ним задом и шагать впереди? И впрямь... с этим мальчишкой у него не было никаких средств совладать...

Он смотрел на хрупкую фигурку, казалось, готовую согнуться от первого же порыва ветра. Вэнь Юаньсинь рассказывал, что в прежнем теле он хворал с самого детства и даже самые передовые медицинские технологии их мира не могли его исцелить. К счастью... к счастью, в

этот раз ему досталось тело Мо Юаня — пусть и познавшее чужие удары, но в целом крепкое и здоровое. И теперь перед ним во всей красе предстал подвижный, живой и полный сил паренек, какого не знали даже собственные родители Вэнь Юаньсиня.

Пропал. Кажется, он увяз слишком глубоко. Предания гласят, что павшие правители прошлого зачастую терпели крах лишь потому, что познавали любовь, привязывались, теряли рассудок в сетях страсти... и в конце концов погибали из-за нее.

Раньше он твердо верил, что его сердце никогда не дрогнет ни перед кем, кроме Сы Ци. Но теперь... он полюбил. А значит, у него появилась слабость: страх, что кто-то посмеет навредить Вэнь Юаньсиню, страх, что тот уйдет и полюбит другого... Ха! Подумать только, настанет день, когда и он узнает, что такое страх!

Впрочем, неважно. Достаточно ему защищать своего возлюбленного, и любые страхи станут пустой болтовней.

Внезапно чья-то рука обвилась вокруг его талии, и знакомый голос смущенно произнес:

— Чего плетешься позади? Как старый одинокий дед? Иди сюда, будешь моей грелкой.

— Ха-ха... — Лун Сюань с нежной улыбкой взъерошил мягкие шелковистые пряди на его макушке. Как бы сильно его маленький Юань ни ревновал, отпустить его он все равно не сможет. Вот только... было бы куда лучше, если бы Лун Сюань не путался под ногами у их парочки.

Лун Чжан шел рядом, крепко держа Вэнь Юаньсиня за руку, и сердито дул губы, наблюдая, как эти двое под предлогом ревности всю предаются нежностям.

Шедший впереди Цан Чэн вдруг свернул в сторону и, обернувшись, произвел:

— Пожалуй, я отведу наследного принца вперед, чтобы вы могли побыть вдвоем...

Услышав это, Лун Сюань был готов прыгать от радости:

— Одобряю! Ступайте вперед!

— А? — Вэнь Юаньсинь и Лун Чжан опешили. Пока младший уже оказывался на руках у подхватившего его Цан Чэна, старший ошеломленно хлопал глазами: — Разве лорду Цан Чэну дозволено так носить принца?

— Ты до сих пор ничего не понял? — Лун Сюань приподнял бровь. Какая же откровенная ревность!

— Чего?

— ...Ничего, пошли быстрее. — Ну надо же, до чего бестолковый... и до чего же... милый...

— Ох! — Вэнь Юаньсинь зацепился за руку Лун Сюаня и, решив больше не думать о только что заданном вопросе, вернулся к своему прежнему холодному и обиженному виду.

— Все еще дуешься? Ну и ладно... — Безднажно вздохнув, Лун Сюань махнул рукой — пусть балуется.

Попетляв вслед за Цан Чэном по извилистым коридорам, они наконец увидели впереди яркие огни и множество людей.

А гневный рекл Сыма Яня разносился на добрых полсотни шагов вокруг:

— Чжао Юэминь! Я же сказал, тебе нельзя пить!

Когда все приблизились, открылась картина: перепивший Чжао Юэминь покраснел лицом, в одной руке он держал крошечную чашечку для вина, другой обнимал Сыма Яня за шею, а обеими ногами обхватил его за пояс и беззаботно болтал ими в воздухе. С первого же взгляда было ясно — напился в стельку.

Несчастный, к которому обращались как к А-Янь-Яню, позеленев от стыда, озирался по сторонам, не зная, куда деть руки. Сидевшая неподалеку Тао Цайвэнь с безмятежной улыбкой потягивала чай, наблюдая за представлением. Про себя Сыма Янь яростно матерился: «Проклятая лисица!»

— А... А-Янь-Янь... Ха-ха! — услышав новое прозвище, Вэнь Юаньсинь не выдержал и прыснул со смеху.

— А-А... Янь-Янь! — пристроившись на ручках у Цан Чэна, Лун Чжан звонко рассмеялся и ткнул пальцем в застывшего соляным столбом А-Янь-Яня.

Вдоволь нахохотавшись, гости скинули обувь и заняли свои места.

Этот флигель, судя по всему, предназначался исключительно для пиршеств: здесь не было привычных стульев, лишь длинные ряды низких столов. Пол застилали мягкие ковры и циновки, а по углам возвышались высокие фонари, заливающие просторную комнату ярким светом.

Одна за другой молодые красавицы-служанки вносили изысканные деликатесы. Хотя Вэнь Юаньсинь и в Сюаньюаньском дворце, и в прежнем Зале Поверженного Дракона ел досыта,

аппетитом он никогда не отличался, да и трапезничали они обычно вдвоем с Лун Сюанем и Лун Чжаном, так что изобилием столы не блистали. Пожалуй, этот ужин был самым роскошным из всех, что он видел здесь.

— Ск... сколько же всего... — Вэнь Юаньсинь ошеломленно приоткрыл рот.

— Это лишь стандарт для парадного пиршества. Дома мы едим попросту, но если присутствуют посторонние, положено выставлять множество блюд, дабы показать свое гостеприимство, — тихонько шепнул ему на ухо Лун Сюань, попутно пользуясь моментом и лаская его талию.

— М-м... Ну да, верно, нельзя же ударить в грязь лицом! — Вэнь Юаньсинь улыбнулся, а затем поинтересовался: — А сегодня еду проверять на яд не будут?

— Полагаю, он не посмеет, ха! — Лун Сюань бросил взгляд на Цан Чэна, который безуспешно пытался утихомирить Лун Чжана: мальчик изо всех сил рвался прочь из его объятий к своему братику Юаню, но сильные руки Цан Чэна намертво держали его под столом. Зрелище было поистине... забавным!

— Хм, почему?

— Если я назову тебе причину, будет не так интересно, да ты все равно не поймешь. — Хитро улыбнувшись, Лун Сюань легонько чмокнул его в манящие губы и объявил: — Давайте-ка ужинать!

С этими словами все взяли в руки серебряные палочки и принялись за угощения.

— Ваше Высочество, отведайте, пожалуйста. — Цан Чэн положил кусочек золотистого луциана на изящную тарелочку Лун Чжана.

— — Лун Чжан с таким жутким укором посмотрел на услужливого наставника, что Цан Чэн лишь с опозданием сообразил... наследный принц государства терпеть не может рыбу! Он уже собирался забрать кусок обратно, как вдруг раздался голос Лун Сюаня:

— Что такое? Или твой аппетит стал чересчур изнеженным? Еще и нос воротишь! — Лун Сюань с ехидной ухмылкой поддразнил сына, и прозвучало это крайне двусмысленно.

Вэнь Юаньсинь недовольно нахмурился и мягко успокоил мальчика:

— Чжан-эр, не слушай своего отца! Но рыбу съесть все же необходимо! Между прочим, в моих родных краях многие люди голодают и не имеют даже куска хлеба. Так что, Чжан-эр, рыба это или нет, еда есть еда, разбрасываться ею нельзя. Иначе те, кто готовил это угощение, очень огорчатся!

— М-м...

— И потом... если уж Чжан-эр совсем не хочет есть, братик Юань не станет заставлять, но... Эй! Ты должен понимать, что в будущем тебе предстоит стать великим правителем! Если ты станешь перебирать едой, твои подданные решат, что швыряться пищей — это в порядке вещей. В конце концов рыбаки и земледельцы бросят работать, потому что все равно никто не ценит их труд! Без работы не будет доходов, без доходов опустеет казна, а без казны даже у тебя, Чжан-эр, не останется ни крошки во рту! Так что ты...

— Юань, довольно. — Лун Сюань протянул руку, останавливая разговарившего и вошедшего в раж Вэнь Юаньсиня.

— А? — тот растерянно моргнул.

— Он уже умял всю рыбу... даже рыбью голову не оставил... — Лун Сюань и остальные с благоговейным трепетом уставились на старания обожаемого Юаня.

— Молодой господин Мо, Цан Чэн снимает перед вами шляпу.

— Э-э, я, я просто объединил то, что говорила моя ма... моя матушка, с собственными мыслями! Ничего особенного! — Вэнь Юаньсинь в испуге замахал руками.

— О! Госпожа Мо была поистине мудрой женщиной! Жаль лишь, бесконечно жаль, что она преждевременно покинула мир... — Сыма Янь оттолкнул висшего на нем Чжао Юэминя и вставил слово, но тут же испуганно спохватился: — Молодой господин Мо! Прошу прощения! Я совсем забыл... забыл про Резиденцию Мо...

— Н-ничего страшного! — Вэнь Юаньсинь мгновенно изобразил на лице скорбь и, следуя заготовленному с Лун Сюанем плану, заговорил: — То, что Мо Юань остался жив — уже величайшее благословение небес. А что касается... гибели моего отца и остальных, боль в моем сердце не утихает ни на миг. Стоит мне вспомнить, что я больше никогда их не увижу, как слезы сами навертываются на глаза... Но раз уж мне посчастливилось выжить, я обязан прожить жизнь за них двоих...

Закончив тиражу, он для пущей убедительности украдкой промокнул уголки глаз.

— Юань... — Лун Сюань с видом утешителя тут же украл еще парочку ласк с его талии.

— Тысяча извинений! У меня, дурака, язык без костей... Молодой господин Мо, прошу вас, не держите зла! — Сыма Янь перепугался не на шутку, коря себя за поганный язык и мысленно моля о перерождении с более удачливыми речевыми способностями.

— Все в порядке, все в порядке! Я же сказал, ничего страшного!

— А-Янь-Янь такой вредина, люди же русским языком сказали — все хорошо! Будешь и дальше извиняться — я тебе рот запечатаю! — с этими словами Чжао Юэминь вытянул вперед покрасневшие губы и прижался ими прямо к губам Сыма Яня.

По комнате пронесся холодный сквозняк...

— Кхм... — даже всемогущий правитель Лун Сюань не нашелся, что сказать.

— Ваше Высочество...? — единственный трезвый Цан Чэн обратил внимание на странную тишину в своих руках: мальчик не сопротивлялся и замер неподвижно. Он опустил взгляд и ахнул — Лун Чжан был блее полотна, а губы его приобрели зловеще-лиловый оттенок! — Ваше Величество! Наследный принц он...

— Чжан-эр?! — Вэнь Юаньсинь первым бросился к ним и судорожно коснулся детского лба. — Ледяной! Как же так?

— Разойдитесь, дайте взглянуть! — придворный лекарь Тао Цайвэнь нахмурился, грубо оттолкнув заслонявших его людей, перехватил крошечное запястье Лун Чжана и внимательно прислушался к пульсу. Лицо его побелело: — Ох, худо дело! Его отравили!

Впрочем, пустяки. Пока он может защитить его, все страхи — лишь пустые вымыслы.

Вдруг кто-то обнял его за руку, и знакомый голос со смущенными нотками произнес:

— Чего ты так плетешься позади? Строишь из себя одинокого старика? А ну-ка иди сюда и побудь моей грелкой!

— Ха-ха... — Лун Сюань с нежностью погладил его по мягким шелковистым волосам. Как бы сильно его маленький Юань'эр ни ревновал, он все равно не мог без него жить. Вот только... было бы еще лучше, если бы Лун Чжан не мешал их уединению.

Лун Чжан, шедший рядом и державший Вэнь Юаньсиня за руку, недовольно надул губки, глядя на эту парочку, которая под предлогом ревности вовсе миловалась.

Шагавший впереди Цан Чэн вдруг свернул за угол, обернулся и предложил:

— Позвольте мне увести Его Высочество наследного принца вперед, чтобы дать Вашему Величеству немного личного пространства...

Лун Сюань несказанно обрадовался этим словам.

— Позволяю! Ступайте вперед!

— А? — Вэнь Юаньсинь и Лун Чжан растерялись. Цан Чэн тут же подхватил маленького принца на руки и пошел вперед, а Вэнь Юаньсинь глуповато спросил: — Разве господину Цан Чэну дозволено вот так носить Его Высочество на руках?

— Ты до сих пор не понял? — Лун Сюань удивленно приподнял бровь. Ревность же была очевидной!

— Что?

— ...Ничего, пойдем быстрее, — вздохнул Лун Сюань. Ну надо же быть таким недогадливым... и таким очаровательным.

— Ладно! — Вэнь Юаньсинь крепче обхватил руку Лун Сюаня, решив не забивать себе голову этим вопросом, и снова напустил на себя надутый, холодный вид, показывая, что все еще ревнует.

— Все еще дуешься? Ну ладно... — беспомощно вздохнул император, позволяя ему капризничать.

Следуя за Цан Чэном, они петляли по коридорам и наконец вдалеке увидели яркий свет огней и множество силуэтов.

И яростный крик Сыма Яня отчетливо донесся до них шагов за пятьдесят:

— Чжао Юэминь! Я сказал, тебе нельзя пить!

— А-Янь-Янь... Ты такой холодный!

Когда все подошли ближе, перед ними предстала картина: Чжао Юэминь с раскрасневшимся изящным лицом держал в одной руке кубок с вином, другой обнимал Сыма Яня за шею, а ногами обхватил его за талию и покачивал ими из стороны в сторону. Было очевидно, что он пьян в стельку.

Тот, кого называли А-Янь-Янем, с позеленевшим лицом смотрел на подошедших, не зная, куда деть руки. Стоявший рядом Тао Цайвэнь лишь посмеивался, потягивая чай и наслаждаясь зрелищем. Сыма Янь мысленно выругался: «Чертов лис, чтоб тебе пусто было!»

— А... А-Янь-Янь... Пха-ха! — услышав новое прозвище, Вэнь Юаньсинь не удержался и прыснул от смеха.

— А-а... Янь-Янь! — Лун Чжан, устроившись на руках у Цан Чэна, со смехом указал пальцем на застывшего как истукан Сыма Яня.

Вдоволь насмеявшись, гости сняли обувь и прошли к своим местам.

Этот боковой дворик, по всей видимости, предназначался исключительно для пиршеств. Здесь не было стульев — только длинные низкие столы. Пол устилали мягкие ковры и подушки, а по углам высились огромные фонари, освещавшие просторный зал.

Юные и хорошенькие служанки вереницей вносили изысканные деликатесы из даров гор и морей. Хотя Вэнь Юаньсинь и во Дворце Сюаньюань, и в Зале Поверженного Дракона питался превосходно, ел он немного. К тому же обычно они трапезничали лишь вдвоем с Лун Сюанем и Лун Чжаном, так что столы ломились не столь обильно. Пожалуй, этот ужин обещал стать самым роскошным пиршеством за все его время пребывания здесь.

— Как... много всего... — потрясенно прошептал Вэнь Юаньсинь.

— Таковы правила званого пира. Когда мы едим в узком кругу, можно обойтись простыми блюдами. Но в присутствии гостей необходимо выставить великое множество яств, чтобы продемонстрировать свое гостеприимство и щедрость, — тихонько прошептал Лун Сюань на ухо Вэнь Юаньсиню, попутно не упустив возможности потискать любимого за талию.

— Угу... Логично, нельзя же ударить в грязь лицом! — улыбнулся Вэнь Юаньсинь и тут же спросил: — А сегодня еду на яд проверять не будут?

— Сомневаюсь, что у него хватит на это духу, ха-ха! — Лун Сюань покосился на Цан Чэна, который заботился о Лун Чжане. Маленький принц то и дело порывался вырваться и перебраться поближе к своему брату Юаню, но сильная рука Цан Чэна под столом крепко и надежно удерживала его. Эта картина выглядела весьма... забавно.

— Хм, почему?

— Если я тебе скажу, будет уже неинтересно, да ты и не поймешь, — с загадочной улыбкой Лун Сюань мимолетно коснулся губами его соблазнительных алых губ, а затем громко объявил: — Приступим к трапезе!

После этих слов гости взялись за свои серебряные палочки и принялись за угощения.

— Пожалуйста, угощайтесь, Ваше Высочество, — Цан Чэн положил кусочек золотистого окуня в изящную пиалу Лун Чжана.

Лун Чжан укоризненно посмотрел на Цан Чэна, положившего ему рыбу. Тот лишь с опозданием вспомнил, что наследный принц терпеть не может рыбу. Но стоило Цан Чэну потянуться, чтобы забрать кусочек обратно, как Лун Сюань подал голос:

— Что такое? Стал слишком привередлив в еде? Еще и нос воротишь! — с усмешкой

поддразнил сына Лун Сюань, однако в его тоне сквозила явная язвительность.

Вэнь Юаньсинь недовольно нахмурился и мягко успокоил Лун Чжана:

— Чжан-эр, не обращай внимания на отца! Но рыбку съесть все-таки нужно. Знаешь, у меня на родине многие люди голодают! Поэтому, Чжан-эр, рыба это или нет, еда остается едой, и переводить ее нельзя. Иначе те, кто готовил это блюдо, очень расстроятся!

— М-м...

— Но... если ты совсем не хочешь, я не стану тебя заставлять. Однако... послушай! Ты должен понимать, что в будущем станешь правителем. Если даже ты будешь привередничать в еде, то миллионы твоих подданных тоже решат, что выбрасывать еду — это в порядке вещей. В итоге рыбаки и крестьяне увидят, что их труды идут прахом, и просто перестанут работать! Без работы не будет доходов, без доходов опустеет казна, а если казна опустеет, то и тебе, Чжан-эр, будет нечего есть! Так что, Чжан-эр, ты должен...

— Юань, довольно, — Лун Сюань протянул руку, останавливая разошедшегося не на шутку Вэнь Юаньсиня.

— А? — тот недоуменно захлопал глазами.

— Он уже съел всю рыбу... даже голову не оставил, — пояснил Лун Сюань под восхищенными взглядами остальных, устремленными на его дорогого Юаня.

— Молодой господин Мо, я признаю свое поражение, — склонил голову Цан Чэн.

— Ой, да я... я просто повторил то, что когда-то говорила моя ма... матушка, и добавил немного от себя! Ничего особенного! — смущенно замахал руками Вэнь Юаньсинь.

— О! Значит, госпожа Мо была невероятно мудрой женщиной! Как жаль, как жаль, что ее земной путь оборвался так рано... — отозвался Сыма Янь, тщетно пытаясь отпихнуть от себя Чжао Юэминя. Но тут же спохватился и испуганно запричитал: — Молодой господин Мо! Простите ради всего святого! Я совсем забыл... забыл про Резиденцию Мо...

— Ни-ничего страшного! — Вэнь Юаньсинь тут же соорудил скорбную мину и заговорил по заранее заготовленному с Лун Сюанем сценарию: — То, что Мо Юань остался в живых — уже великое счастье. Что касается... гибели моего отца и остальных близких, это невосполнимая утрата. Стоит мне подумать, что я больше никогда их не увижу, как на глаза наворачиваются слезы... Но раз уж мне суждено было выжить, я обязан жить и за них тоже...

Для пущей убедительности он даже приложил рукав к уголку глаза, будто утирая слезу.

— Юань... — Лун Сюань с деланным сочувствием обнял его, снова воспользовавшись моментом,

чтобы потискать любимого за талию.

— Простите меня! У меня язык без костей... Молодой господин Мо, умоляю, не принимайте близко к сердцу! — Сыма Янь окончательно занервничал, проклиная себя за длинный язык и мечтая родиться заново, лишь бы не ляпать глупостей.

— Все хорошо, правда! Я же сказал, что ничего страшного!

— А-Янь-Янь, ты такой зануда! Человек же ясно сказал, что все в порядке! Будешь и дальше извиняться — я запечатаю твой рот! — пролепетал Чжао Юэминь и, надув алые губки, прижался ими прямо к губам Сыма Яня.

В этот миг по залу словно пронесся ледяной порыв ветра...

— Э-э... — даже император Лун Сюань не нашелся что сказать.

— Ваше Высочество?... — Цан Чэн, единственный, кто сохранял полное хладнокровие, заметил, что ребенок на его руках как-то подозрительно притих и перестал брыкаться. Он опустил взгляд и ужаснулся: лицо Лун Чжана было мертвенно-бледным, а губы посинели! — Ва-Ваше Величество! Наследный принц...

— Чжан-эр! — Вэнь Юаньсинь первым бросился к нему и потрогал его лоб. — Какой холодный! Что с ним случилось?

— Расступитесь, дайте я посмотрю! — нахмурившись, придворный лекарь Тао Цайвэнь оттеснил стоявших на пути, схватил Лун Чжана за маленькую ручку и внимательно осмотрел ее. — Дело плохо! Это яд!

<http://bllate.org/book/21135/2144013>